

Эрнст Теодор Амадей Гофман

ПЕСОЧНЫЙ ЧЕЛОВЕК

Художник В. Золотухин

АРКАДИЯ

Санкт-Петербург
2019

УДК 821.112.2
ББК 84(4Нем)
Г57

Ernst Theodor Amadeus Hoffmann
DER SANDMANN

Перевела с немецкого
Мария Бекетова

Иллюстрации художника
Владимира Золотухина

Г57 **Гофман Э. Т. А.**
Песочный человек : [новелла] / Эрнст Теодор Амадей
Гофман; илл. Владимира Золотухина. — СПб. : Аркадия,
2019. — 112 с. — (Серия «Black&White»).

ISBN 978-5-906986-70-2

Сказочный Песочный человек, которым мать пугает не желающего засыпать малыша Натанаэля, вдруг приходит к ним домой... Его называют человеческим именем, он удивительный мастер, но при виде его мальчик трепещет от ужаса. А уже став юношей, Натанаэль влюбляется в девушку, которая на самом деле оказывается искусно сделанной куклой, одним из создателей которой является тот самый Песочный человек!

Эта жуткая история о любви и смерти принадлежит перу Эрнста Теодора Амадея Гофмана, писателя, создававшего, по словам Стефана Цвейга, «неземной мир, сотканный из тумана и грез, и населенный фантастическими фигурами».

УДК 821.112.2
ББК 84(4Нем)

ISBN 978-5-906986-70-2

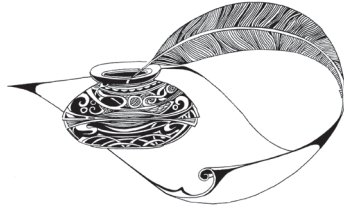
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство Аркадия», 2019

Эрнст Теодор Амадей Гофман... Только короткие сны были его уделом, но сны необычайные, незабываемые, и они, в свою очередь, порождают сны, ибо окрашены в красный цвет крови, желтый цвет желчи и черный — ужаса.

Стефан Цвейг

ЦАТНАЭЛЬ — ЛОТАРУ

Вы все, наверно, в большом беспокойстве оттого, что я так ужасно долго не писал. Матушка, пожалуй, сердится, а Клара могла подумать, что я катаюсь здесь как сыр в масле, развлекаюсь и совсем позабыл ее ангельское личико, так глубоко запечатленное в моем уме и сердце. Но это совсем не так. Ежедневно и ежечасно вспоминаю я всех вас, и в сладких снах является мне приветливый образ моей милой Клэрхен и ясные глаза ее улыбаются мне так пленительно, как это бывало, когда я приходил к вам. Ах, разве я мог писать вам в том растерзанном, смятенном состоянии духа, которое до сих пор еще путает все мои мысли?! В жизнь мою вошло нечто ужасное! Смутное предчувствие грозящей мне

страшной беды надвигается на меня, как черные тени облаков, сквозь которые не проникнет уже ни один приветливый солнечный луч. Но надо же наконец сказать тебе, что со мной случилось. Я знаю, что должен это сделать, но, думая об этом, тут же слышу, как внутри меня раздается безумный хохот.

Ах, дорогой мой Лотар! Что мне сделать, чтобы хоть отчасти заставить тебя почувствовать, что то, что случилось со мною несколько дней назад, действительно могло испортить мне жизнь? Если бы ты был здесь, ты бы сам это видел; но теперь ты, очевидно, сочтешь меня за помешанного духовидца. Говоря коротко, то ужасное, что со мной случилось и произвело на меня убийственное впечатление, от которого я напрасно стараюсь избавиться, состоит в том, что несколько дней назад, а именно 30 декабря в полночь ко мне в комнату пришел продавец барометров и предлагал мне свои товары. Я ничего не купил и пригрозил спустить его с лестницы, но он ушел сам.

Ты подозреваешь, что только совсем особые обстоятельства, глубоко повли-

явшие на всю мою жизнь, могут придать смысл этому случаю и что особа какого-то несчастного торговца не могла так пагубно на меня воздействовать. Так оно и есть. Я собираю все свои силы, чтобы спокойно и терпеливо рассказать тебе многое из того, что случилось со мной в раннем детстве, желая, чтобы все это в самых ярких образах, ясно и точно предстало перед твоим живым умом. Но, собираясь начать, слышу, как ты смеешься, а Клара говорит: «Да ведь это просто ребячество!» Смейтесь, прошу вас, смейтесь надо мной от всего сердца! Я очень прошу вас! Но, Боже великий! Волосы становятся у меня дыбом, и мне кажется, будто я умоляю вас смеяться надо мной, находясь в каком-то безумном отчаянии, — как Франц Моор заклинал Даниэля. Но к делу!

Кроме обеденного времени, я и мои сестры мало видели отца в течение дня. Он был, вероятно, очень занят службой. После ужина, который по старинному обычаю подавался в семь часов, мы все вместе с матерью шли в его рабочий кабинет и садились за круглый стол. Отец курил табак и выпивал большой стакан пива. Он

часто рассказывал нам разные удивительные истории и приходил при этом в такой азарт, что у него все время выпадала изо рта и гасла трубка, а я должен был снова и снова ее разжигать, поднося зажженную бумагу, и это меня необыкновенно забавляло. Часто, однако, он давал нам в руки книжки с картинками, а сам сидел в кресле молчаливый и неподвижный, распространяя вокруг себя такие густые облака дыма, что все мы будто плавали в тумане. В такие вечера мать бывала очень печальна и, как только пробьет девять часов, говорила: «Ну, дети! Спать! Спать! Я чувствую, что уже идет песочный человек!»»

И я действительно каждый раз слышал тяжелые, медленные шаги на лестнице; это, верно, и был песочный человек.

Однажды мне показались как-то особенно зловещими эти глухие шаги; я спросил матушку, которая вела нас спать: «Мама, кто же этот злой песочный человек, который всегда отрывает нас от папы? Как он выглядит?» — «Милое дитя, — отвечала матушка, — никакого песочного человека на самом деле нет. Когда я говорю, что идет песочный человек, это значит, что вы хотите спать и не можете хорошенько открыть глаза, словно их присыпало песком». Этот ответ не удовлетворил меня, в моем детском мозгу ясно сложилась мысль, что мать не сказала правды о песочном человеке только для того, чтобы мы его не боялись, — я ведь не раз слышал, как он поднимается по лестнице. Сгорая от любопытства и желая побольше узнать об этом песочном человеке и о том, как он относится к детям, я спросил наконец старую няню, которая смотрела за моей младшей сестрой: «Кто такой этот песочный человек?» —

«Э, Танельхен, — отвечала она, — да неужто ты не знаешь? Это злой человек, который приходит к детям, когда они не хотят ложиться спать, и бросает им в глаза целые пригоршни песка, так что глаза заливаются кровью и вываливаются, а он складывает их в мешок и уносит на луну, чтобы кормить своих детей; а те сидят там в гнезде, и у них такие острые клювы, как у сов, чтобы клевать ими глаза непослушных детей».

В душе моей ужасными красками нарисовался образ страшного песочного человека; когда вечером раздавался шум на лестнице, я весь дрожал от страха. Мать ничего не могла от меня добиться, кроме судорожных всхлипываний: «Песочный человек! Песочный человек!» После этого я забивался в спальню, и почти всю ночь меня мучили ужасные видения песочного человека.

Я был уже достаточно большим для того, чтобы понять, что история о песочном человеке и гнезде на луне, которую рассказала мне няня, была не совсем правдоподобной, но песочный человек остался для меня страшным призраком,

